

ЕВГЕНИЙ ЖАРКОВ*

ОСОБЫЙ ХАРАКТЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ НАУКИ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-379-386.

Важной особенностью статьи Е. В. Масланова, посвященной обсуждению проблематики политической субъектности науки, является обращение к более глобальному вопросу — о сущности политического. Согласимся, что ответ на данный вопрос может оказать значительное влияние на понимание проблемы политического в науке. При этом в рассуждениях автора просматриваются позиции, заслуживающие критической оценки с точки зрения общности аргументации и выводов.

Вслед за К. Шмиттом и А. Ф. Филипповым, Е. В. Масланов подчеркивает положение о «пронизанности политикой всего и вся». Вместе с тем, он утверждает, что «разделение политического и религиозного, политического и морального, политического и экономического, а, возможно, политического и научного оказывается лишь ситуативным положением дел» (Масланов, 2024: 340) Думается, приведенному утверждению можно придать следующую интерпретацию: сама проблематика политической субъектности науки — это, в частности, вопрос об эпистемологическом анализе соответствующих конкретных ситуаций. По-видимому, кроме краткой отсылки к проблеме климатических изменений, преломляемой в восприятии и социальном опыте различных акторов, а также указания на роль научных теорий в осуществлении экономической политики, Евгений Валерьевич напрямую не обращается к анализу подобных ситуаций. При этом складывается впечатление, что осуществление такого рода анализа оказалось бы, в некотором смысле, косвенной задачей для автора, поскольку в итоге он предлагает достаточно общий ответ на вопрос о механизме проявления соответствующей

*Жарков Евгений Александрович, к. филос. н., Национальный исследовательский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород), f1ash45@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1962-1806.

**© Жарков, Е. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

субъектности: «Политическая субъектность естественных наук связана с учреждением новых исследовательских миров» (Масланов, 2024: 347).

Представление о новых мирах естественным образом наводит на мысль об их характеристике в оптике действительного и возможного. В связи с этим также заметим — автор, соглашаясь с В. Н. Порусом, придерживается мнения, что «по-настоящему вопрос о политической субъектности науки может быть адресован именно к науке, существующей начиная с XX века». Мы полагаем, именно в данном аспекте оппозиция действительного и возможного проявляется наиболее отчетливо.

Политические последствия ряда научных открытий, воплотившихся на практике в 1940-е гг., широко известны и не нуждаются в особых комментариях («военный атом»). Выражаясь метафорически, чистая наука оказалась пропитанной политикой как некоей «всепроникающей сущностью». В свою очередь, здесь возникает следующий нетривиальный вопрос: а только ли выдающиеся физики XX столетия, оказавшиеся в итоге, если и не самоличными политическими субъектами, но, безусловно, сыгравшие неотъемлемую инструментальную роль, несут на себе те или иные отпечатки политической субъектности?¹

С одной стороны, ученые представляют собой коллективного автора, конструктора исследовательского мира, идеи которого обрели в дальнейшем реализацию. С другой стороны, из революционности их открытий не следует, что данные ученые были «людьми из ниоткуда» и не опирались на известные ранее идеи, связанные с познанием Мира и Природы. Одна из них — восходящая к древности идея атомизма. Таким образом, не является ли атомная физика вместе с ее практико-политическими последствиями одним из результатов «атомной исследовательской программы» (Гайденко, 1980: 14)? И не несут ли на себе древние философы определенную долю ответственности и, следовательно, политической субъектности за применение атомного оружия? Естественно, о каком-либо прямом обвинении речи быть не может. Существенно, что древние мыслители, так или иначе, внесли вклад в создание того мира возможностей на умозрительном уровне, используя «элементы» которого, ученые в итоге преобразовали действительность.

Думается, что, апеллируя к гипотетической «политической субъектности науки» древних философов, мы осуществляем переход к более широкой проблематике — политической субъектности познания. Одним из результатов процесса познания служат определенные утверждения,

¹Следуя тезису Е. В. Масланова об исследовательских мирах.

высказывания. В каком смысле им можно придавать политическую субъектность?

ПОЗНАНИЕ И НАУКА: ГОРИЗОНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Представим себе следующую модельную ситуацию. Собеседник *X* высказывает собеседнику *Y* утверждение «А»: «Если вы выпрыгните с тридцатого этажа, то полетите вниз и разобьетесь насмерть по причине разгона силой гравитации». Несколько поразмыслив, *Y* отвечает: «В вашем утверждении ничего не сообщается о типе поверхности, на которую я упаду. Если внизу будет расположен батут или контейнер с поролоном, вероятно, мне удастся выжить. Кроме того, я могу воспользоваться парашютом. Или же, допустим, здание расположено на берегу моря и я упаду в воду. В этом случае исход сильно зависит от геометрии контакта с поверхностью в момент соприкосновения. Или, предположим, я выпрыгиваю с обозначенной высоты, находясь на другой планете, масса которой существенно меньше земной. В этом случае, согласно закону всемирного тяготения, ускорение свободного падения также будет существенно меньше, и я не погибну».

Вместе с тем, условное утверждение «А», обращенное к маленькому ребенку, способно оказать властное действие и предостеречь от опасного поступка. В этом случае произносящий его родитель², вероятно, не будет глубоко задумываться над какими-либо особенностями полета, поскольку в рамках обыденного знания он прекрасно знаком с опасностью высоты («древнее эмпирическое правило»). Таким образом, условное утверждение «А» можно трактовать как властно-политическое, но при этом его следует понимать как выражение политической субъектности обыденного знания. Более того, родитель может основательно позабыть или даже вовсе не знать школьного объяснения гравитации³.

Различные ситуации человеческой практики служат базой данных для создания предписаний безопасного поведения и работы в самых различных отраслях. Как известно, «правила техники безопасности написаны кровью пострадавших». Мы полагаем, о проявлении политического в этом случае можно говорить в двух аспектах. Во-первых,

²Естественно, в более лаконичной форме («Слезай, разобьешься!»).

³В аспекте предсказания практических последствий, по-видимому, не имеет особого значения, как именно, на качественном уровне, объяснять причину падения: силой гравитации (Ньютон) или стремлением вниз как к естественному месту (Аристотель).

сам «кодекс правил» является выражением власти как законодательного предписания. Во-вторых, за ним, в одном лице, стоят и «суровый судья» и безотказный «исполнитель приговора» — силы Природы (гравитационное притяжение, электрический ток, опасные химические реакции и др.)⁴. И в этом случае будет нелегко отыскать гражданина, сознательно бы занявшего позицию дениализма (Тухватулина, 2023) по отношению к соответствующим положениям. В широком смысле, вспоминая Т. Куна, можно сказать, что свод правил техники безопасности это своего рода жесткая парадигма, выход за рамки которой требует создания специальных условий.

Сюжет о кодексе техники безопасности может показаться несколько утрированным, поскольку когда все твердо установлено и предписано, по-видимому, элиминируется собственно научная составляющая проблемы. В связи с этим интересно обратиться к следующему примеру.

В информационном поле весьма часто появляются сообщения достаточно противоречивого характера о результатах исследований «влияния малых количеств алкоголя на организм человека». Зачастую, в них весьма мало внимания уделяется всевозможным тонкостям и деталям. Во-первых, понятие малых количеств нередко оказывается дискуссионным. Во-вторых, далеко не всегда ясна роль других факторов, влияющих на состояние здоровья людей (качество жизни, уровень доходов, образования, качество напитков и др.). С определенной натяжкой, в данном случае можно даже апеллировать к концепции пост-нормальной науки (Дж. Равецц, С. Фунтович), поскольку обсуждается задача, в которой задействовано множество параметров, хотя здесь и не идет речь о глобальных проблемах человечества (климат, экология). Классическая фраза «о вреде чрезмерного употребления алкоголя» является предупреждением об опасности, но, вместе с тем, не обладает авторитаризмом известного указания «Не влезай, убьет!». Это оставляет определенный маневр для выражения позиции дениализма и девальвирует властно-политическую роль рекомендаций соответствующих научных исследований.

⁴Мы здесь говорим о фундаментальных физических и химических явлениях, происходящих как в естественной природной среде, так и в искусственных, технических объектах.

КОНТЕКСТЫ ВОЗМОЖНОГО И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО

Согласно позиции Е. В. Масланова, политической субъектности науки присущ особый характер — «она не борется за политическую власть, а при помощи новых исследовательских полей создает пространство для принятия влияющих на жизнь общества решений» (Масланов, 2024: 347). С одной стороны, конечно, абсурдно отрицать значительное влияние науки на практику и технологии⁵. С другой стороны, возникают сомнения, что подобному пониманию политической субъектности стоит придавать особый характер. На наш взгляд, это может быть обусловлено различием политической субъектности *науки* и политической субъектности *научного знания*. Естественно, нельзя абсолютизировать это различие, поскольку научное знание производится наукой. Тем не менее, если речь идет именно о влиянии науки, этим, в некотором смысле, и нивелируется фактор необходимости ее борьбы за власть как осуществления обязательного действия.

Мы полагаем, что обозначенная позиция автора, в значительной мере, это ответ на вопрос о проявлении политической субъектности научного знания, а не науки. Ученые, вносящие существенный вклад в построение «исследовательского мира»⁶, генерируют «пищу для ума» другим ученым и практикам, а сами, в каком-то смысле, трансформируются при этом в состояние «мертвого автора». Политическая роль науки оказывается в тени ее основной, собственно эпистемической роли. Властная функция человека науки обретает при этом своего рода футуристический характер, располагаясь в пространстве возможного. В частности, известно, что некоторые выдающиеся ученые весьма смутно представляли себе потенциал применения своих открытий или вообще считали их бесперспективными.

Вместе с тем, несколько дистанцируясь от контекста трансформации мира и общества, интересно указать на определенную специфику проявления политической субъектности именно науки, а не знания. Для этого обратим внимание на ответ собеседника У из предложенной нами модельной ситуации.

Заметим, в его рассуждениях просматриваются как элементы обыденного знания, так и вполне научная аргументация. Он подробно

⁵Здесь, в том числе, речь идет и о возможном влиянии идей, концепций, вырабатываемых социо-гуманитарными науками.

⁶В определенный период времени.

обрисовал различные сценарии падения, предложил целый спектр «экспериментальных ситуаций» (В. С. Степин), определяемых конкретными условиями, наличием тех или иных участвующих акторов. Б. Латур как-то упоминал, что настоящая наука начинается там, где в игру вступают «технические детали» (Латур, Федорова, 2013: 82–84). Если представить беседу *X* и *Y* в качестве некоего публичного состязания, пальма первенства, вероятно, достанется *Y* как более подготовленному и «риторически подкованному» оппоненту. Достижение своего рода политической цели — победы в диспуте — хотя и предопределяется здесь эпистемической аргументацией, но не остается полностью в ее тени. Существенно, что в данном случае имеет место проявление политической субъектности науки в действительности («здесь и сейчас»), а не в возможности.

Нашу модельную ситуацию можно представить и в качестве вольного прообраза экспертной дискуссии, в ходе которой обсуждается серьезная социально-значимая проблема. Возможны различные сценарии ее завершения. Например (1), научно-обоснованное мнение, высказанное одной из экспертных групп, получив абсолютную поддержку властей, всецело предопределяет принятие важного политического решения. Тогда можно с уверенностью говорить о проявлении политической субъектности науки — в контексте действительности. Или, в иной ситуации (2), экспертное мнение не будет принято во внимание властными акторами, и они примут какое-либо свое решение. В данном случае ученые хотя и претендуют на политическую субъектность, но в итоге так и не обретают ее.

Возможен и промежуточный сценарий (3), когда одна из экспертных групп, получившая определенное, но не слишком сильное преимущество над другими, будет поддержана властными акторами. По-видимому, подобная ситуация более ожидаема, если среди экспертных позиций наблюдается сильное разногласие. Вспомним Фейерабенда с его критическими нападками на научный метод:

Кто не встречал ситуации, когда один врач рекомендует делать операцию, другой ее отвергает, а третий предлагает иной способ лечения, чем первые два. Или ситуации, в которой одна группа специалистов гарантирует безопасность ядерного реактора, а другая оспаривает ее... (Фейерабенд, Никифоров, 2007: 23)

На наш взгляд, в этом случае можно говорить о двояком характере политической субъектности науки. Во-первых, победившая группа обретает ее в уже указанном выше аспекте (сценарий 1). Во-вторых, факт

неабсолютного преимущества свидетельствует о наличии серьезной борьбы противников, и это, следуя Е. В. Масланову, можно трактовать как политическую субъектность в «шмиттовском» смысле.

Таким образом, экспертной функции науки, с одной стороны, свойственна политическая субъектность в достаточно явной форме. С другой стороны, чувствуется ее характерная неустойчивость, поскольку обладание ей наукой оказывается зависимым от воли властных акторов. Подобная ситуация может быть гротескно проиллюстрирована известной цитатой из романа «Мастер и Маргарита»: «Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное!». Думается, здесь мы встречаемся с самым ядром обсуждаемой проблематики, которую В. Н. Порус связывает с вопросом о том, насколько, в тех или иных ситуациях, вовлечение науки в политику оказывается субъектным (Порус, 2023: 77). В свете настоящей дискуссии следует говорить о том, насколько вовлечение оказывается возможным или действительным.

По нашему мнению, Е. В. Масланову удалось весьма убедительно эксплицировать политическую субъектность науки именно в контексте возможности, но, подчеркнем, трудно признать за этим ее особый характер и, следовательно, устойчивую субъектность вовлечения. В этом случае политическая субъектность науки сливается с политической субъектностью научного знания, и, в пределе, познания.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки : становление и развитие первых научных программ. — М. : Наука, 1980.
- Латур Б.* Наука в действии : следуя за учеными и инженерами внутри общества / под ред. С. В. Миляевой ; пер. с англ. К. С. Федоровой. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.
- Масланов Е. В.* К вопросу о политической субъектности науки // *Философия* : Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 339–351.
- Порус В. Н.* Политическая субъектность науки как тема философии науки // *Вопросы философии*. — 2023. — № 9. — С. 71–82.
- Тухватуллина Л. А.* Наука как объект веры и недоверия : феномен дениализма // *Эпистемология и философия науки*. — 2023. — Т. 60, № 1. — С. 6–20.
- Фейербах П.* Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания / пер. А. Л. Никифорова. — М. : АСТ, 2007.

Zharkov, Ye. A. 2024. "Osobyi kharakter politicheskoy sub'yektnosti nauki [The Special Nature of the Political Agency of Science]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 379–386.

YEVGENIY ZHARKOV

PHD IN PHILOSOPHY

NATIONAL RESEARCH LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY (NIZHNY NOVGOROD, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-1962-1806

THE SPECIAL NATURE OF THE POLITICAL AGENCY OF SCIENCE

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-379-386.

REFERENCES

- Feyerabend, P. 2007. *Protiv metodologicheskogo prinuzhdeniya. Ocherk anarkhist-skoy teorii poznaniya [Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge]* [in Russian]. Trans. by A. L. Nikiforov. Moskva [Moscow]: AST.
- Gaydenko, P. P. 1980. *Evolyuitsiya ponyatiya nauki [The Evolution of the Notion of Science]: stanovleniye i razvitiye pervykh nauchnykh programm [The Formation and Development of the First Research Programs]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Latour, B. 2013. *Nauka v deystvii [Science in Action]: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva [How to Follow Scientists and Engineers Through Society]* [in Russian]. Ed. by S. V. Milyayeva. Trans. from the English by K. S. Fedorova. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- Maslanov, Ye. V. 2024. "K voprosu o politicheskoy sub'yektnosti nauki [On the Issue of the Political Subjectivity of Science]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3): 339–351.
- Porus, V. N. 2023. "Politicheskaya sub'yektnost' nauki kak tema filosofii nauki [Political Agency of Science as a Theme of Philosophy of Science]" [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 9, 71–82.
- Tukhvatulina, L. A. 2023. "Nauka kak ob'yekt very i nedoveriya [Science as an Object of Faith and Distrust]: fenomen denializma [The Phenomenon of Denialism]" [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]* 60 (1): 6–20.